

ИСТОРИОСОФИЯ ЕВРАЗИЙСТВА И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье рассматривается евразийский подход к вопросам философии истории в контексте глобализации и проблем современной России. Дается краткая характеристика евразийского учения. Рассмотрены ментальные предпосылки возникновения современного терроризма с позиций евразийства.

Будучи оторваны от России Октябрьской революцией 1917 г. и Гражданской войной, евразийцы разрабатывали оригинальные философско-исторические идеи в европейской эмиграции. В период своего расцвета, т. е. в 1920–1930-е гг., евразийское движение объединило целую плеяду талантливых интеллектуалов-исследователей: философов, богословов, культурологов, экономистов, искусствоведов, историков, этнографов, писателей, публицистов. Благодаря стремительному росту популярности движения с ним отождествлял себя ряд известных мыслителей русского зарубежья.

В евразийском движении 1920-1930-х гг. наиболее известны следующие имена: Н.Н. Алексеев (1879-1964 гг.), Г.В. Вернадский (1887-1973 гг.), Л.Н. Гумилев (1912–1992 гг.), Л.П. Карсавин (1882-1952 гг.), П.Н. Савицкий (1895-1968 гг.), П.П. Сувчинский (1892-1985 гг.), князь Н.С. Трубецкой (1890-1938 гг.), Г.В. Флоровский (1893-1979 гг.), Э.Д. Хара-Даван (1883-1942 гг.), князь К.А. Чcheidзе (1897-1974 гг.). Основателем движения и безусловным его лидером по праву считается князь Н.С. Трубецкой.

Центральным звеном евразийского учения стала философия истории. Она базировалась на самобытном мироощущении и умонастроении, складывавшемся из следующих основных составляющих: а) признании объективности многонародности субъекта российской истории и его целостности; б) глубокой взаимосвязи жизни народа и государства с естественными природными условиями занимаемой территории – «месторазвитии»; в) усмотрении генезиса российской государственности в империи Чингисхана – «туранском факторе»; г) формировании

«правлящего слоя» чиновников-государственников на основе личностного этатизма и преданности центральной идее – служению России-Евразии. Вместе с тем, формируя «взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока», евразийство пыталось разрешить поставленные вопросы на основе национально-государственной идеологии, во многом изоляционистской, исключавшей Россию из мирового цивилизационного процесса.

Определяя свои философско-исторические корни, евразийство недвусмысленно толковало себя как движение, близкое к религиозному «Восточному ордену», как движение, стоящее ближе не к политическим партиям, а к католическим орденам и масонам. Разработчик государственно-правовой доктрины учения Н.Н. Алексеев писал: «По духу своему мы, пожалуй, первый тип русского ордена. Были ли у нас предшественники? – этот вопрос еще темен. Мне лично кажется, что за нами нащупывается старейшая традиция. В числе прообразов особенно важно указать ту «партию», ...которая действовала в старой Москве под именем «заволжских старцев». Старчество, в силу особых условий, сошло с политической сцены, превратилось в жизнеучение без особой интенции к политическому действию. Сейчас наступил момент снова вызвать это политическое действие в жизнь. Мы призваны начать строить Россию-Евразию по заветам старцев, наполняя эти заветы новым историческим содержанием» [1, с. 164-165].

Евразийство делало практически однородным понятие России и Евразии, применяя в большей степени философско-историческую составляющую учения к историческому процессу России и определяя раз-

витие русского народа в последовательной поступи времен как предмет русской истории [3, с. 22].

Россия со времен христианизации была ареной борьбы двух партий: почвенников и западников. Западники привносили цивилизацию, а почвенники вырабатывали культуру. «Историческая школа евразийства» принадлежит к почвенничеству, поэтому в ней так сильна культурологическая составляющая. Евразийство рассматривало национальную культуру как фундамент каждой цивилизации, считая, что традиционный взгляд на русскую историю как часть истории мировой в корне неверен, поскольку представляет ее в роли «привеска» к истории западноевропейской. В этой концепции России отводилась роль вечно догоняющего Европу рубежа, охраняющего цивилизованный западноевропейский мир от азиатского «варварства» [2, с. 352].

В евразийском наследии недвусмысленно определяется основная тенденция – обоснование несостоятельности концепции европоцентризма, претендующей на роль единственной альтернативы мирового развития. «Трансплантация головы – операция неслыханная», – писал об экспорте европейских идей в иные культурные миры выдающийся отечественный философ Л. П. Карсавин [6, с. 388]. Парадоксальность учения заключалась в том, что оно впервые открыто приветствовало азиатчину в русской культуре и истории, не боясь этого термина, отходя в этом вопросе от устоявшихся догм и традиций. Безусловным положительным моментом «исторической школы евразийства» стала попытка предсказания на основе «философии факта» или «философии всегда насыщенного смыслом» грядущих проблем цивилизации, в частности глобализации и ее последствий для неевропейских культур.

Распад империи – Советского Союза объективно повлиял на мировой исторический процесс. На смену биполярному миру пришел мир однополярный, строящийся на

глобалистских концепциях «The West and the Rest» («Запад и все остальные»), «New World Order» («Новый мировой порядок»), «End of History» («Конец истории»). В новых исторических условиях Запад определил альтернативу «концу истории» в глобализации, в экономическом и военном захвате новых сырьевых плацдармов, в расширении «зон собственных интересов», в массовом привитии иным культурам мировоззренческого индивидуализма и гедонизма. Западной (или, как определяли евразийцы, европейской) цивилизацией активно эксплуатируется концепция «золотого миллиарда». В соответствии с ней миропорядок должен быть «оптимизирован» по «стандартам американской демократии». Не случайно, что такая «оптимизация» встречает протест у значительной части человечества. Основываясь на радикальных, экстремистских теориях, протест принимает порой крайние формы. Так экстремистская рефлексия бытия на рубеже второго – третьего тысячелетий породила бесчеловечные и чудовищно-дикие формы международного террора, сеющего в мире панику и хаос.

С позиций евразийского учения представляется возможным выделить философский аспект проблемы современного международного терроризма. В этом плане показательна работа князя Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (1921 г.). Ее лейтмотив – неправомерность, ненаучность абсолютизации европейской культуры, объявления ее высшей ступенью исторического прогресса и ранжирования других культур по степени их близости к культуре европейской. «Именно этот идол, идол европоцентризма, по мнению Трубецкого, наиболее полно овладел нашим сознанием» [9, с. 50]. Современную европейскую культуру во всех ее частях, кроме эмпирической науки и техники, евразийцы признавали культурой упадочной, но не отрицая ее значимости, предлагали решить вопрос о правомерности «притязаний романо-германцев» на название их культуры «общечеловеческой» [5, с. 166].

«Из глубокой древности ведет свое начало идея культурно-исторической неравноценности и, стало быть, неравноправности народов, еще с тех пор, как «избранный народ Божий» – Израиль выделял себя из пестрой массы «языков» и «свободные» эллины противопоставляли себя рабам – «варварам». В сознании ближайших к нам поколений эта мысль отлилась в форму антитезы народов «исторических» и народов «неисторических» <...>», – отмечал Г.В. Флоровский [15, с. 412]. В свете европейской колониальной традиции народы по степени их развитости подразделяли еще в XIX в. К. Маркс и Ф. Энгельс. В XX в. западными марксологами совершенно открыто отмечалось предубежденное отношение К. Маркса и Ф. Энгельса к России и славянам [17, Р. 2-3]. По поводу своего отношения к России К. Маркс писал: «Московия была воспитана и выросла в ужасной и гнусной школе монгольского рабства. Она усилилась только благодаря тому, что стала *virtuoso* (итал. виртуозной) в искусстве рабства. Даже после своего освобождения Московия продолжала играть свою традиционную роль раба, ставшего господином. Впоследствии Петр Великий сочетал политическое искусство монгольского раба с гордыми стремлениями монгольского властелина, которому Чингисхан завещал осуществить свой план завоевания мира» [7, с. 419].

Князь Н.С. Трубецкой подчеркивал, что вместо господствующего принципа деления народов и культур по степеням их совершенства необходимо ввести новый принцип – принцип равноценности и качественной несоизмерности всех культур и народов. При этом нет никаких оснований делить культуры на «высшие» и «низшие». Необходимо говорить лишь о культурах похожих и непохожих друг на друга.

По Н.С. Трубецкому, наибольшую опасность для европеизируемого народа представляет уничтожение «национального единства», или расчленение «национального тела» на «западников» и «патриотов отече-

ства». Как отмечает мыслитель, в процессе европеизации обостряется классовая борьба, усиливается противостояние в обществе, порождаются препятствия к сотрудничеству всех слоев общества в культурной работе. В результате и социальная жизнь европеизируемого народа оказывается малопродуктивной, поэтому во мнении европейцев европеизируемый народ остается отсталым, постоянно «догоняющим общечеловеческую цивилизацию». Со временем это отставание приобретает статус «рокового закона», действие которого приводит к утрате отставшим народом сначала экономической, а потом и политической независимости и, наконец, становится объектом беззащитной эксплуатации, которая вытягивает из него все соки и превращает его в «этнографический материал». Положение европеизированного народа еще более ухудшается, когда ему навязывается чуждая национальная психология [9, с. 55].

В результате историсофского анализа Н.С. Трубецкой приходит к выводу, что европеизация для неевропейских народов является скорее злом, нежели благом, а ее неизбежность обусловлена ненасытной алчностью, заложенной в самой природе международных хищников – романогерманцев, и эгоцентризмом, пронизывающим всю их пресловутую «цивилизацию» [9, с. 56]. Этот тезис мыслитель развивает и в других работах. «Отношение человека к культуре своего народа может быть довольно различно. У романогерманцев это отношение определяется особой психологией, которую можно назвать эгоцентрической. <...> Романогерманцы, будучи насквозь пропитаны этой психологией, всю свою оценку культур земного шара строят именно на ней» [13, с. 36]. «Последний евразиец» Л.Н. Гумилев поддерживает эту точку зрения. «Я не хочу быть у немцев на галерах. Это уже было у нас не однажды. Евразийский тезис: надо искать не столько врагов – их и так много, а надо искать друзей, это самая главная ценность в жизни. И союзников нам надо искать искрен-

них. Так вот, турки и монголы могут быть искренними друзьями, а англичане, французы и немцы, я убежден, могут быть только хитроумными эксплуататорами», – утверждает выдающийся отечественный философ, историк и этнограф [11, с. 29-30].

Таким образом, классические евразийцы считали, что стремление к общечеловеческой культуре должно быть отвергнуто, а всякий культурный космополитизм или интернационализм заслуживает осуждения. И только истинный национализм является безусловным положительным принципом поведения всякого народа. Народу, подвергающемуся европеизации, остается лишь один выход – невозможность каких бы то ни было компромиссов с эксплуататорами: борьба так борьба [13, с. 42, 58].

В современную эпоху мы становимся свидетелями объективности выводов евразийцев. Этому способствует множество примеров культурно-экономической европеизации США и их союзниками стран Африки, Азии, Центральной и Латинской Америки, ряда стран арабского мира, бывших национальных окраин Советского Союза, ныне государств СНГ. Ближний Восток (Израиль, Палестина, Ирак, Иран) становится сегодня эпицентром мировой политики, политики грядущих войн. В последние десятилетия европеизация нероманогерманских народов приобретает крайние формы военно-экономической экспансии. Как следствие этого, деятельность большинства радикальных исламских организаций носит ярко выраженную антизападную направленность.

Следствием европеизации народов арабского мира, менталитет и цивилизации которых веками строились на догматах ислама, является своеобразная «ответная реакция», реализующаяся в крайней форме национально-освободительного движения – в форме современного международного террора. Другой вопрос: почему же происходит это самое «вырождение» национально-освободительного движения? Ответ видится в

неравнозначности промышленно-экономического и военно-технического развития европейских народов и народов арабского мира, в невозможности открытого противостояния военно-экономической экспансии Запада, умноженной на туранский (восточный) психологический тип.

Туранский психологический тип с радикальным акцентом так обосновывает свои взаимоотношения с Западом:

– слабость и подчиненное положение мусульманских обществ являются следствием утраты веры, уклонения от начертанного божьего пути и следования за светской материалистической идеологией и ценностями Запада или Востока – капитализмом или марксизмом;

– восстановление мусульманской гордости, силы и правления (прежней славы мусульманских империй и цивилизаций) требует возвращения к исламу, к предписанному способу управления государством и обществом;

– наука и технология должны быть поставлены в рамки и использованы в ориентированном на ислам контексте с тем, чтобы избежать вестернизации и секуляризации исламского общества [16, pp. 122-123].

События современной истории только подчеркивают гениальную прозорливость князя Н.С. Трубецкого: если система в туранской психике перемещается с подсознательного уровня на уровень сознания, то она превращается в *idée fixe* (навязчивую идею), а человек, одержимый «идеями», – в маньяка-фанатика. Такое получается, когда человек туранского типа путем насилия над природой создает свою собственную «философскую систему» [14, с. 70-71]. Именно с позиций толкования особенностей туранской психики или восточного менталитета, отмеченного Н.С. Трубецким, объясняется современный «религиозный» радикализм фанатиков, выстраивающих на базе одной из важнейших мировых религий – ислама свои собственные «философские системы», ориентированные на массовое уничтожение мирно-

го населения в жестоких террористических атаках.

Ничуть не оправдывая давления Запада на иные культурные миры, необходимо сказать и о недопустимости заигрывания с Востоком, в особенности с Востоком, ориентирующимся на экстремистские идеологии с религиозной подоплекой. На современном этапе развития человеческой цивилизации наступательная инициатива вполне может перейти к радикальным исламистам, и тогда уже будет необходимо защищать Запад от перспектив образования всемирного халифата. Поэтому наравне с доктриной глобализации опасность для человечества представляют и радикальные исламистские концепции, также ориентированные на одностороннюю трактовку всемирно-исторического процесса.

Возвращаясь к России, отметим, что на рубеже тысячелетия она вновь столкнулась с рядом серьезных внутренних и внешних проблем. К ним необходимо отнести:

– терроризм, экстремизм и сепаратизм, подпитываемые межэтническими и межконфессиональными конфликтами, связанные с проблемой транснациональной наркомафии;

– проблема тотальной государственной коррупции и местных клановых элит, создающих питательную среду для организованной преступности [12, с. 11];

– проблема дальнейшего обнищания населения страны на фоне дальнейшего укрепления узкоолигархической верхушки и отсутствия так называемого стабилизирующего цивилизованное общество «среднего класса»;

– проблема замены в стране патристического мировоззрения гедонистическим, «количественный» и «качественный» рост «индивидов-потребителей», особенно в молодежной среде, практически полное отсутствие личностной и правовой культуры нации;

– проблема освоения и удержания за Россией огромных территорий Восточной Си-

бири и Дальнего Востока при тесном взаимодействии с проблемой динамично развивающегося и перенаселенного соседа-супергиганта – Китая;

– проблема построения межгосударственных и межкультурных взаимоотношений по осям «Запад – Восток», «Север – Юг»;

– проблема транспортно-территориальной зависимости России от стран бывшего СССР, в особенности от стран так называемого «санитарного кордона» – Украины и стран Балтии, в плане транспортировки на Запад энергоносителей, являющихся основой современной российской экономики;

– проблема межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений, мирного сожительства православия и ислама, связанная с ней радикализация исламского мира, обусловленная глобализацией и фактическим делением мировой системы на «лучшее» и «остальное человечество» [10, с. 14];

– и, наконец, проблема отсутствия в стране четко сформулированной государственной идеологической доктрины.

Несмотря на спорность и неоднозначность многих положений евразийства, оно все же стремилось «предвидеть» проблемы будущего. И надо признать, что евразийцы достигли успехов в историческом анализе и прогнозировании. Так князь Н.С. Трубецкой очень точно подметил *idée fixe* в туранской психике, ставшей одной из базовых посылок современного международного терроризма. Проблема «правлящего отбора», «идеократии», или необходимости наличия слоя чиновников-государственников, «патриотов Отечества», также рассматривалась в качестве приоритета государственного строительства «исторической школой евразийства».

Вопросы единства страны, освоения необжитых пространств Сибири и Дальнего Востока, возвращения России в Среднюю Азию как никогда актуальны сегодня. Необходимость экономической и военно-политической переориентации России с Запада на

Восток в начале третьего тысячелетия очевидна. И эта евразийская политика получает свое развитие в реальных шагах современного российского руководства.

В динамично развивающемся мире выжившая после десятилетия исторического небытия 1990-х гг. Россия вновь стремится быть лидером на Ближнем Востоке, стремится кардинально влиять на разрешение острых мировых конфликтов, связанных с войной в Ираке, с нарастанием военно-политического кризиса вокруг иранской «ядерной проблемы», принимает активное участие в урегулировании противоречий между Палестиной и Израилем. Россия стремится строить партнерские военно-экономические отношения с двумя мировыми гигантами – Индией и Китаем. Долгосрочный проект «Газпрома» и «Транснефти», переориентирующий российскую газово-нефтяную трубу с Запада на Восток, в частности на Китай, позволит нашей стране в ближайшем будущем обрести стратегическую независимость как в геополитическом, так и в экономическом плане.

Начало третьего тысячелетия проходит под знаком становления евроазиатских военно-экономических и политических блоков. Вместе с Китаем, странами Центрально-Азиатского и Ближневосточного регионов Россия принимает в этом процессе самое активное участие. Это так называемые организации евразийского партнерства ШОС, ОДКБ, ЕвразЭС, Банк евразийского сотрудничества, ОЦАС. Евразийское мировоззрение используется в ряде республик Российской Федерации (Башкирии, Татарстане, Калмыкии), в странах Средней Азии (Казахстане, Киргизии, Узбекистане, Таджикистане) для построения собственных программ государственного строительства. Ширится круг стран, поддерживающих евразийскую интеграцию.

Положительным моментом евразийского учения стал обоснованный тезис о необъективности деления народов на «исторические» и «неисторические». Современные

научные исследования подтвердили эти выводы. К примеру, в результате длительных археологических исследований российскими учеными на Чукотке найдена уникальная, древняя культура протоэскимосов. В отличие от господствовавшего подхода к северным народам как «отсталым», «законсервированным» во времени и в вечной мерзлоте была открыта загадочная и своеобразная цивилизация, существовавшая в I–II вв. нашей эры. На берегу Берингова пролива в районе поселка Эквен археологами обнаружен чудесной красоты и сложности город, построенный из китовых скелетов, названный учеными Заполярной Тройей [8, с. 26].

Подводя итог вопроса, следует отметить, что дихотомия «Восток – Запад» приобретает в евразийском учении некий метафизический смысл, выходя за бытийные грани исторического процесса. Князь К.А. Чхидзе по этому поводу делает следующий вывод: «Несомненно: эта тема – основная ось, вокруг которой вращается вся мировая история. <...> Уже Александр Македонский, первый исторически-известный мировой деятель, поставлен был в необходимость искать синтез Запада и Востока. Последовательно: Греция, Рим, Византия – несут на себе иго искания этого синтеза. Позднейшим попыткам Священной Римской империи с Запада распространиться на Восток (вспомните, что включительно до Колумба, все, т. е. крестоносцы, торговцы, авантюристы – мечтали о Востоке) соответствуют аналогичные попытки азиатских народов продвинуться на Запад (от Атиллы, Чингисхана и его наследников – до турецких султанов). Наполеон на Востоке – еще один вариант вечной тяги. В настоящий момент мы вступили в очередную фазу развития все той же единой мировой темы. Действующие лица – иные. Арена действия расширилась до размеров всего Старого света. Буквально весь мир – Россия, Европа, Индия, Китай, Япония, Америка – вовлечены в эту стремительно развертывающуюся трагедию. В центре событий – Россия, с ее

срединным географическим положением; с ее двойственной полуевропейской, активной, отвечающей на вопрос «как?» и полуазиатской, созерцательной, отвечающей на вопрос «для чего?» душой...» [4, с. 259-260].

В каком русле будет развиваться в третьем тысячелетии цивилизация? Какую роль

будет играть Россия в мировом историческом процессе? Евразийство более полувека назад попыталось ответить на многие вопросы прошлого и настоящего, попыталось историософским анализом и прогнозом «предвидеть» будущее, оставив потомкам богатое философское наследие.

Список использованной литературы:

1. Алексеев Н.Н. Евразийцы и государство // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / Ред.-сост.: Л. И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993.
2. Вернадский Г.В. Монгольское иго в русской истории // Основы Евразийства / Сост.: Н. Агамалян и др. М., 2002.
3. Вернадский Г.В. Начертание русской истории / Предисловие С.Б. Лаврова, А.С. Лаврова. М., 2004.
4. Гачева А.Г. К. А. Чхеидзе: «Моя тема – Кавказ» // Страна Прометея. Нальчик, 2004.
5. Евразийство (формулировка 1927 г.). Коллективный труд первых евразийцев // Основы Евразийства / Сост.: Н. Агамалян и др. М., 2002.
6. Карсавин Л.П. Основы политики // Основы Евразийства / Сост.: Н.Агамалян и др. М., 2002.
7. Маркс К. Разоблачения дипломатической истории XVIII века // Гумилев Л.Н. Черная легенда: Друзья и недруги Великой степи (Библиотека истории культуры) / Сост. В.А. Мичурин. М., 2003.
8. Осин М. Гибель Заполярной Трои. Над чукчами зря смеялись // Российская газета. 26 августа 2005 г.
9. Пащенко В. Я. Социальная философия евразийства. М., 2003.
10. Сабов А. Каким бы богам ни молиться... Краткий конспект доклада «Россия и исламский мир» // Российская газета. 16 сентября 2005 г.
11. Савкин И. «Скажу вам по секрету, что если Россия будет спасена, то только как евразийская держава...» // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. СПб.; М., 2003.
12. Скорлуков О. Карьера и богатство. Цель бизнеса – получение прибыли, богатство. Цель власти – благосостояние народа. Почему сложение этих целей породило тотальную коррупцию? // Российская газета. 25 ноября 2005 г.
13. Трубецкой Н.С. Об истинном и ложном национализме // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / Ред.-сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993.
14. Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре // Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология / Ред.-сост.: Л.И. Новикова, И.Н. Сиземская. М., 1993.
15. Флоровский Г.В. О народах неисторических (Страна отцов и страна детей) // Основы Евразийства / Сост.: Н. Агамалян и др. М., 2002.
16. John L. Esposito. The Islamic Threat: Myth or Reality? / New York: Oxford University Press, 1992.
17. Nerod Ch. The Nation in the History of Marxian Thought. The Concept of Nations with History and Nations without History. The Hague, 1976.

18.08.06 г.